

Аркадий и Борис
Стругацкие

Аркадий и Борис Стругацкие

Полдень, XXII век
Стажеры
В наше интересное время

Издательство АСТ
Москва

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84 (2Рос=Рус)6-44
С87

Серийное оформление и компьютерный дизайн
В. Воронина

Стругацкий, Аркадий Натанович.

С87 Собрание сочинений. Т. 2. 1960—1962. Полдень, XXII век; Стажеры; В наше интересное время / Аркадий и Борис Стругацкие. — Москва: Издательство АСТ, 2018. — 544 с.

ISBN 978-5-17-109040-1 (С.: Стругацкие — собрание сочинений (Neo))
ISBN 978-5-17-109041-8 (С.: Стругацкие — собрание сочинений)

Аркадий (1925—1991) и Борис (1933—2012) Стругацкие — русские советские писатели-фантасты, поднявшие отечественную фантастику до высот мирового уровня. Переведенные на все основные языки, изданные суммарным тиражом более 500 миллионов экземпляров, их книги до сих пор экранизируются, активно обсуждаются и служат источником вдохновения для нового поколения писателей и читателей.

В этот том вошли «Стажеры», «Полдень, XXII век», «В наше интересное время».

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84 (2Рос=Рус)6-44

Полдень, XXII век

Глава первая ПОЧТИ ТАКИЕ ЖЕ

Ночь на Марсе

Когда рыжий песок под гусеницами краулера вдруг осел, Петр Алексеевич Новаго дал задний ход и крикнул Манделю: «Соскакивай!» Краулер задергался, разбрасывая тучи песка и пыли, и стал переворачиваться кормой кверху. Тогда Новаго выключил двигатель и вывалился из краулера. Он упал на четвереньки и, не поднимаясь, побежал в сторону, а песок под ним оседал и проваливался, но Новаго все-таки добрался до твердого места и сел, подобрав под себя ноги.

Он увидел Манделя, стоявшего на коленях на противоположном краю воронки, и окутанную паром корму краулера, торчащую из песка на дне воронки. Теоретически было невозможно предположить, что с краулером типа «Ящерица» может случиться что-либо подобное. Во всяком случае, здесь, на Марсе. Краулер «Ящерица» был легкой, быстроходной машиной — пятиместная открытая платформа на четырех автономных гусеничных шасси. Но вот он медленно сползал в черную дыру, где жирно блестела глубокая вода. От воды валил пар.

— Каверна, — хрипло сказал Новаго. — Не повезло, надо же...

Мандель повернул к Новаго лицо, закрытое до глаз кислородной маской.

— Да, не повезло, — сказал он.

Ветра совсем не было. Клубы пара из каверны поднимались вертикально в черно-фиолетовое небо, усыпанное крупными звездами. Низко на западе висело солнце — маленький яркий диск над дюнами. От дюн по красноватой долине тянулись черные тени. Было совершенно тихо, слышалось только шуршание песка, стекающего в воронку.

— Ну ладно, — сказал Мандель и поднялся. — Что будем делать? Вытащить его, конечно, нельзя. — Он кивнул в сторону каверны. — Или можно?

Нового покачал головой.

— Нет, Лазарь Григорьевич, — сказал он. — Нам его не вытащить.

Раздался длинный, сосущий звук, корма краулера скрылась, и на черной поверхности воды один за другим вспучились и лопнули несколько пузырей.

— Да, пожалуй, не вытащить, — сказал Мандель. — Тогда надо идти, Петр Алексеевич. Пустяки — тридцать километров. Часов за пять дойдем.

Нового смотрел на черную воду, на которой уже появился тонкий ледяной узор. Мандель поглядел на часы.

— Восемнадцать двадцать. В полночь мы будем там.

— В полночь, — сказал Нового с сомнением. — Вот именно в полночь.

«Осталось километров тридцать, — подумал он. — Из них километров двадцать придется идти в темноте. Правда, у нас есть инфракрасные очки, но все равно дело дрянь. Надо же такому случиться... На краулере мы были бы там засветло. Может быть, вернуться на Базу и взять другой краулер? До Базы сорок километров, и там все краулеры в разгоне, и мы прибудем на плантации только завтра к утру, когда будет уже поздно. Ах, как нехорошо получилось!»

— Ничего, Петр Алексеевич, — сказал Мандель и похлопал себя по бедру, где под дохой болталась кобура с пистолетом. — Пройдем.

— А где инструменты? — спросил Нового.

Мандель огляделся.

— Я их сбросил, — сказал он. — Ага, вот они.

Он сделал несколько шагов и поднял небольшой саквояж.

— Вот они, — повторил он, стирая с саквояжа песок рукавом дохи. — Пошли?

— Пошли, — сказал Нового.

И они пошли.

Они пересекли долину, вскарабкались на дюну и снова стали спускаться. Идти было легко. Даже пятипудовый Нового, вместе с кислородными баллонами, системой отопления, в меховой оде-

жде и со свинцовыми подметками на унтах весил здесь всего сорок килограммов. Маленький сухопарый Мандель шагал как на прогулке, небрежно помахивая саквояжем. Песок был плотный, слежавшийся, и следов на нем почти не оставалось.

— За краулер мне страшно влетит от Иваненки, — сказал Новаго после долгого молчания.

— При чем здесь вы? — возразил Мандель. — Откуда вы могли знать, что здесь каверна? И воду мы, как-никак, нашли.

— Это вода нас нашла, — сказал Новаго. — Но за краулер все равно влетит. Знаете, как Иваненко: «За воду спасибо, а машину вам больше не доверю».

Мандель засмеялся:

— Ничего, обойдется. Да и вытащить этот краулер будет не так уж трудно... Глядите, какой красавец!

На гребне недалекого бархана, повернув к ним страшную треугольную голову, сидел мимикродон — двухметровый ящер, крапчато-рыжий, под цвет песка. Мандель кинул в него камешком и не попал. Ящер сидел раскорячившись, неподвижный, как кусок камня.

— Прекрасен, горд и невозмутим, — заметил Мандель.

— Ирина говорит, что их очень много на плантациях, — сказал Новаго. — Она их подкармливает...

Они, не сговариваясь, прибавили шаг.

Дюны кончились. Они шли теперь через плоскую солончакую равнину. Свинцовые подошвы звонко постукивали на мерзлом песке. В лучах белого закатного солнца горели большие пятна соли; вокруг пятен, ошетинясь длинными иглами, желтели шары кактусов. Их было очень много на равнине, этих странных растений без корней, без листьев, без стволов.

— Бедный Славин, — сказал Мандель. — Вот беспокоится, наверно.

— Я тоже беспокоюсь, — проворчал Новаго.

— Ну, мы с вами врачи, — сказал Мандель.

— А что врачи? Вы хирург, я терапевт. Я принимал всего раз в жизни, и это было десять лет назад в лучшей поликлинике Архангельска, и у меня за спиной стоял профессор...

— Ничего, — сказал Мандель. — Я принимал несколько раз. Не надо только волноваться. Все будет хорошо.

Под ноги Манделю попал колючий шар. Мандель ловко пнул его. Шар описал в воздухе длинную пологую дугу и покатился, подпрыгивая и ломая колючки.

— Удар, и мяч медленно выкатывается на свободный, — сказал Мандель. — Меня беспокоит другое: как будет ребенок развиваться в условиях уменьшенной тяжести?

— Это меня как раз совсем не беспокоит, — сердито отозвался Новаго. — Я уже говорил с Иваненко. Можно будет оборудовать центрифугу.

Мандель подумал.

— Это мысль, — сказал он.

Когда они огибали последний солончак, что-то пронзительно свистнуло, один из шаров в десяти шагах от Новаго взвился высоко в небо и, оставляя за собой белесую струю влажного воздуха, перелетел через врачей и упал в центре солончака.

— Ох! — вскрикнул Новаго.

Мандель засмеялся.

— Ну что за мерзость! — плачущим голосом сказал Новаго. — Каждый раз, когда я иду через солончаки, какой-нибудь мерзавец...

Он подбежал к ближайшему шару и неловко ударил его ногой. Шар вцепился колючками в полу его дохи.

— Мерзость! — прошипел Новаго, на ходу с трудом отдирая шар сначала от дохи, а затем от перчаток.

Шар свалился на песок. Ему было решительно все равно. Так он и будет лежать — совершенно неподвижно, засасывая и сжимая в себе разреженный марсианский воздух, а потом вдруг разом выпустит его с оглушительным свистом и ракетой перелетит метров на десять — пятнадцать.

Мандель вдруг остановился, поглядел на солнце и поднес к глазам часы.

— Девятнадцать тридцать пять, — пробормотал он. — Солнце сядет через полчаса.

— Что вы сказали, Лазарь Григорьевич? — спросил Новаго.

Он тоже остановился и оглянулся на Манделя.

— Блеяние козленка манит тигра, — произнес Мандель. — Не разговаривайте громко перед заходом солнца.

Новаго огляделся. Солнце стояло уже совсем низко. Позади на равнине погасли пятна солончаков. Дюны потемнели. Небо на востоке сделалось черным, как китайская тушь.

— Да, — сказал Новаго, озираясь, — громко разговаривать нам не стоит. Говорят, у нее очень хороший слух.

Мандель поморгал заиндеветыми ресницами, изогнулся и вытащил из кобуры теплый пистолет. Он щелкнул затвором и сунул пистолет за отворот правого унта. Новаго тоже достал пистолет и сунул за отворот левого унта.

— Вы стреляете левой? — спросил Мандель.

— Да, — ответил Новаго.

— Это хорошо, — сказал Мандель.

— Да, говорят.

Они поглядели друг на друга, но ничего уже нельзя было рассмотреть выше маски и ниже меховой опушки капюшона.

— Пошли, — сказал Мандель.

— Пошли, Лазарь Григорьевич. Только теперь мы пойдем гуськом.

— Ладно, — весело согласился Мандель. — Чур, я впереди.

И они пошли дальше: впереди Мандель с саквояжем в левой руке, в пяти шагах за ним Новаго. «Как быстро темнеет, — думал Новаго. — Осталось километров двадцать пять. Ну, может быть, немного меньше. Двадцать пять километров по пустыне в полной темноте... И каждую секунду она может броситься на нас. Из-за той дюны, например. Или из-за той, подальше. — Новаго зябко поежился. — Надо было выехать утром. Но кто мог знать, что на трассе есть каверна? Поразительное невезение. И все же надо было выехать утром. Даже вчера, с вездеходом, который повез на плантации пеленки и аппаратуру. Впрочем, вчера Мандель оперировал. Темнеет и темнеет. Марк, наверное, места уже не находит. То и дело бегают на башню поглядеть, не едут ли долгожданные врачи. А долгожданные врачи тащатся пешком по ночной пустыне. Ирина успокаивает его, но тоже, конечно, волнуется. Это у них первый ребенок, и первый ребенок на Марсе, первый марсианин... Она очень здоровая и уравновешенная женщина. Замечательная женщина! Но на их месте я бы воздержался от ребенка. Ничего, все будет благополучно. Только бы нам не задержаться...»

Новаго все время глядел вправо, на сереющие гребни дюн. Мандель тоже глядел вправо. Поэтому они не сразу заметили Следопытов. Следопытов было тоже двое, и они появились слева.

— Эхой, друзья! — крикнул тот, что был повыше.

Другой, короткий, почти квадратный, закинул карабин за плечо и помахал рукой.

— Эге, — сказал Новаго с облегчением. — А ведь это Опанасенко и канадец Морган. Эхой, товарищи! — радостно заорал он.

— Какая встреча! — сказал, подходя, долговязый Гэмфри Морган. — Добрый вечер, доктор, — сказал он, пожимая руку Манделя. — Добрый вечер, доктор, — повторил он, пожимая руку Новаго.

— Здравствуйте, товарищи, — прогудел Опанасенко. — Какими судьбами?

Прежде чем Новаго успел ответить, Морган неожиданно сказал:

— Спасибо, все зажило. — И снова протянул Манделю длинную руку.

— Что? — спросил озадаченный Мандель. — Впрочем, я рад.

— О нет, он еще в лагере, — сказал Морган. — Но он тоже почти здоров.

— Что это вы так странно изъясняетесь, Гэмфри? — осведомился сбитый с толку Мандель.

Опанасенко схватил Моргана за край капюшона, притянул к себе и закричал ему прямо в ухо:

— Все не так, Гэмфри! Ты проспорил!

Затем он повернулся к врачам и объяснил, что час назад канадец случайно повредил в наушниках слуховые мембраны и теперь ничего не слышит, хотя уверяет, что может отлично обходиться в марсианской атмосфере без помощи акустической «техник».

— Он говорит, что и так знает, что ему могут сказать. Мы спорили, и он проиграл. Теперь он будет пять раз чистить мой карабин.

Морган засмеялся и сообщил, что девушка Галя с Базы здесь совершенно ни при чем. Опанасенко безнадежно махнул рукой и спросил:

— Вы, конечно, на плантации, на биостанцию?

— Да, — сказал Новаго. — К Славиным.

— Ну правильно, — сказал Опанасенко. — Они вас очень ждут. А почему пешком?

— О, какая досада! — виновато сказал Морган. — Не могу слышать совсем ничего.

Опанасенко опять притянул его к себе и крикнул:

— Подожди, Гэмфри! Потом расскажу!

— Гуд, — сказал Морган. Он отошел и, оглядевшись, стащил с плеча карабин. У Следопытов были тяжелые двухствольные полуавтоматы с магазином на двадцать пять разрывных пуль.

— Мы потопили краулер, — сказал Новаго.

— Где? — быстро спросил Опанасенко. — Каверна?

— Каверна. На трассе, примерно сороковой километр.

— Каверна! — радостно сказал Опанасенко. — Слышишь, Гэмфри? Еще одна каверна!

Гэмфри Морган стоял к ним спиной и вертел головой в капюшоне, разглядывая темнеющие барханы.

— Ладно, — сказал Опанасенко. — Это после. Так вы потопили краулер и решили идти пешком? А оружие у вас есть?

Мандель похлопал себя по ноге.

— А как же, — сказал он.

— Та-ак, — сказал Опанасенко. — Придется вас проводить. Гэмфри! Черт, не слышит...

— Погодите, — сказал Мандель. — Зачем это?

— Она где-то здесь, — сказал Опанасенко. — Мы видели следы.

Мандель и Новаго переглянулись.

— Вам, разумеется, виднее, Федор Александрович, — нерешительно сказал Новаго, — но я полагал... В конце концов, мы вооружены.

— Сумасшедшие, — убежденно сказал Опанасенко. — У вас там на Базе все какие-то, извините, блаженные. Предупреждаем, объясняем — и вот пожалуйста. Ночью. Через пустыню. С пистолетиками. Вам что, Хлебникова мало?

Мандель пожал плечами.

— По-моему, в данном случае... — начал он, но тут Морган сказал: «Ти-хо!», и Опанасенко мгновенно сорвал с плеча карабин и встал рядом с канадцем.

Новаго тихонько крикнул и потянул из унта пистолет.

Солнце уже почти скрылось — над черными зубчатыми силуэтами дюн светилась узкая желто-зеленая полоска. Все небо стало черным, и звезд было очень много. Звездный блеск лежал на стволах карабинов, и было видно, как стволы медленно двигаются направо и налево.

Потом Гэмфри сказал: «Ошибка. Прошу прощения», и все сразу зашевелились. Опанасенко крикнул на ухо Моргану:

— Гэмфри, они идут на биостанцию к Ирине Викторовне! Надо проводить!

— Гуд. Я иду, — сказал Морган.

— Мы идем вместе! — крикнул Опанасенко.

— Гуд. Идем вместе.

Врачи все еще держали в руках пистолеты. Морган повернулся к ним, всмотрелся и воскликнул:

— О, это не нужно! Это спрятать.

— Да-да, пожалуйста, — сказал Опанасенко. — И не вздумайте стрелять. И наденьте очки.

Следопыты были уже в инфракрасных очках. Мандель стыдливо сунул пистолет в глубокий карман дохи и перехватил саквояж в правую руку. Новаго помедлил немного, затем снова опустил пистолет за отворот левого унта.

— Пошли, — сказал Опанасенко. — Мы поведем вас не по трассе, а напрямик, через раскопки. Это ближе.

Теперь впереди и правее Манделя шел с карабином под мышкой Опанасенко. Позади и правее Новаго вышагивал Морган. Карабин на длинном ремне висел у него на шее. Опанасенко шел очень быстро, круто забирая на запад.

В инфракрасные очки дюны казались черно-белыми, а небо — серым и пустым. Это было похоже на рисунок свинцовым карандашом. Пустыня быстро остывала, и рисунок становился все менее контрастным, словно заволакивался туманной дымкой.

— А почему вас так обрадовала наша каверна, Федор Александрович? — спросил Мандель. — Вода?

— Ну как же, — сказал Опанасенко, не оборачиваясь. — Во-первых — вода, а во-вторых — в одной каверне мы нашли облицованные плиты.

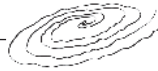
— Ах да, — сказал Мандель. — Конечно.

— В нашей каверне вы найдете целый краулер, — мрачно проворчал Новаго.

Опанасенко вдруг резко свернул, огибая ровную песчаную площадку. На краю площадки стоял шест с поникшим флажком.

— Зыбучка, — проговорил позади Морган. — Очень опасно.

Зыбучие пески были настоящим проклятием. Месяц назад был организован специальный отряд разведчиков-добровольцев, который должен был отыскать и отметить все зыбучие участки в окрестностях Базы.

— Но ведь Хасэгава, кажется, доказал, — сказал Мандель, — что вид этих плит может объясняться и естественными причинами.

— Да, — сказал Опанасенко. — В том-то и дело.

— А вы нашли что-нибудь за последнее время? — спросил Новаго.

— Нет. Нефть нашли на востоке, окаменелости нашли очень интересные. А по нашей линии — ничего.

Некоторое время они шли молча. Затем Мандель сказал глубокомысленно:

— Пожалуй, ничего странного в этом нет. На Земле археологи имеют дело с остатками культуры, которым самое большее сотня тысяч лет. А здесь — десятки миллионов. Напротив, было бы странно...

— Да мы и не очень жалуемся, — сказал Опанасенко. — Мы сразу получили такой жирный кусок — два искусственных спутника. Нам даже копать ничего не пришлось. И потом, — добавил он, помолчав, — искать не менее интересно, чем находить.

— Тем более, — сказал Мандель, — что освоенная вами площадь пока так мала...

Он споткнулся и чуть не упал. Морган проговорил вполголоса:

— Петр Алексеевич, Лазарь Григорьевич, я подозреваю, что вы все время беседуете. Это сейчас нельзя. Федор меня подтвердит.

— Гэмфри прав, — виновато сказал Опанасенко. — Давайте лучше молчать.

Они миновали гряду барханов и спустились в долину, где слабо мерцали под звездами солончаки.

«Опять, — подумал Новаго. — Опять эти кактусы». Ему никогда еще не приходилось видеть кактусы ночью. Кактусы испускали ровный яркий инфрасвет. По всей долине были разбросаны светлые пятна. «Очень красиво! — подумал Новаго. — Может быть, ночью они не взбрыкивают. Это было бы приятной неожиданностью. И без того нервы натянуты: Опанасенко сказал, что она где-то здесь. Она где-то здесь...» Новаго попытался представить себе, каково бы им было сейчас без этого заслона справа, без этих спокойных людей с их тяжелыми смертоубойными пушками наготове. Запоздалый страх морозом прошел по коже, словно наружный мороз проник под одежду и коснулся голого тела. С пистолетиками среди ночных дюн... Интересно, умеет